

0 7 2 3 4 7 4 - |

На правах рукописи

Кытманова Екатерина Александровна

**Романы Г. Грина 1930-х – 40-х годов. Творческая
эволюция**

Специальность 10.01.03. Литература народов стран зарубежья
(литература народов Европы и Америки)

Автореферат

Диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2001

Работа выполнена на кафедре зарубежных литератур
Московского педагогического университета

Научный руководитель:

Доктор филологических наук,
профессор Мулярчик А.С.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор Соловьева Н.А.

кандидат филологических наук
Скороденко В.А.

Ведущая организация – Орехово-Зуевский педагогический институт

Защита состоится «.....»..... в часов на заседании
диссертационного совета Д – 212.115.01 по литературоведению в Московском
педагогическом университете по адресу: 107005. г. Москва, ул. Ф. Энгельса,
д. 21 а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МПУ (ул. Радио, д. 10 а).

Автореферат разослан «15» *февраля*

Ученый секретарь Диссертационного Совета
доктор филологических наук,
профессор

Батунова Т.К.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000519421

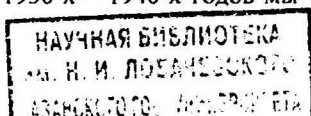
Грэм Грин (1904 – 1991) – большой и сложный художник, отличающийся специфическим мировоззрением и ярким индивидуальным талантом мастера слова. Творческий итог более чем шестидесятилетней жизни Г. Грина в литературе насчитывает 25 романов, 5 сборников рассказов, 8 пьес, 3 авторских эссе, 3 книги о путешествиях, сборник стихотворений, 5 книг для детей, 1 биографию, а также множество статей и рецензий, киносценариев и критических отзывов о фильмах. К тому же Грин никогда не был кабинетным писателем, замкнутым лишь в своей творческой лаборатории, он живо интересовался жизнью, много путешествовал, работал в разведке, – иными словами, шел в ногу со своим бурным веком, ровесником которого, можно сказать, он был.

Его успеху как творческой личности, неординарного мыслителя способствовало умение соединять несоединимое (трагедию и фарс, триллер и философский роман, политический памфлет и пронзительную лиричность), способность «вознестись» над обстоятельствами и оценить происходящее со стороны. В Грине странным образом пересекались отрешенность и политическая «ангажированность». Писатель находился на границе двух миров: реального и вымышленного, светского и религиозного, капиталистического и социалистического. Выдержать это противостояние автору помогли общечеловеческие ценности, гуманизм в его высшем проявлении (оказание милосердия и помощи всем, кто в них нуждается). В эпоху ломки привычных представлений о морали, разрушения нравственного кода Г. Грин предложил, следуя великой гуманистической традиции мировой литературы, зачастую отбрасываемой под натиском модных течений, единственно верное мерило всех ценностей – человеческое сердце.

Грин еще в юношеском возрасте, в 22 года, обратился в католическую веру. Это было вполне рассудочным, а не эмоциональным решением. Видимо, поэтому Грин никогда и не был ортодоксальным католиком, однако преуменьшать значение веры в его творчестве было бы большой ошибкой. Без сакрального фона, без этого выхода в трансцендентность романы Грина, в особенности произведения 1930-х – 40-х годов, воспринимаются узко, как назидательные притчи или мертвые аллегории, тогда как это шедевры мировой литературы, выполненные в реалистической манере, не просто с поразительной точностью отражающей внешнюю жизнь, но и передающей всю сложность ее незримой, духовной стороны. На протяжении всего своего творческого пути Грин стремился к максимальной объективности изображаемого. Однако его стиль проникнут тонкой лиричностью, и, как у большинства художников XX века, в субъективном видится всеобщее.

Применительно к творчеству Грина не существует единой периодизации. Считается, что главным водоразделом его являются 1940-е годы, отсюда выделяют Грина «довоенного», религиозно углубленного и метафоричного, и Грина «послевоенного», тяготеющего к большей художественной правде и более широкому кругу социальных и политических проблем. Для нас, тем не менее, больший интерес представлял период 1930-х – 1940-х годов как время становления и интенсивного развития большого художника, не только заявившего к концу этого десятилетия о самобытности и оригинальности своего таланта, но и создавшего удивительно глубокие по своей философской природе произведения, вошедшие в золотой фонд английской и мировой литературы XX века.

Двадцатилетие 1930-х – 1940-х годов мы также разделили на

три периода в соответствии с замеченными нами этапными изменениями в идейном значении и поэтике произведений. Выделение трех этапов определило структуру диссертации.

Объектом данного диссертационного исследования является романное творчество Г. Грина 1930-х – 40-х годов, охватывающее следующие произведения: «Человек внутри» (1929), «Имя действия» (1930), «Стамбульский экспресс» (1932), «Это поле битвы» (1934), «Меня создала Англия» (1935), «Брайтонский леденец» (1938), «Сила и слава» (1940), «Суть дела» (1948) и «Конец одной любовной связи» (1951).

Главная цель работы – исследовать проблемы творческой эволюции Г. Грина на материале романов 1930 – 40-х годов с тем, чтобы наиболее полно раскрыть идейно-эстетический смысл творчества писателя в указанный период и сделать выводы, существенные для понимания художественных принципов Грина в целом.

Эта цель определила следующие задачи:

1. Выявить моменты эволюции творческого метода, типа художественного сознания писателя, обусловившего особенности поэтики произведений Г. Грина в указанный период.

2. Провести литературоведческий анализ текстов романов с точки зрения их идейно-художественных особенностей с целью выявления их места в творчестве Г. Грина и принадлежности к определенным эстетическим традициям и созвучия конкретно-историческому этапу развития английской общественной мысли и культуры.

3. Определить место этической и эстетической позиции писателя в общем контексте литературной жизни Великобритании 30-40-х годов XX века.

Методологическая основа диссертации базируется на конкретно-текстовом исследовании произведений Г. Грина и на сравнительно-историческом методе анализа его творчества и литературного процесса в Великобритании в целом. При этом теоретический подход сочетается в диссертации с историко-литературным и литературно-критическим ракурсами.

Научная новизна работы заключается в том, что в данной диссертации впервые в отечественной литературе делается попытка осмыслить творчество Грэма Грина как единый идейно-эстетический комплекс и определить при этом его закономерности. Обращение к раннему творчеству Грина объясняется малой его изученностью. Романы рассматриваются под углом идейно-поэтической эволюции писателя, проходившей под знаком углубления реалистических тенденций, с одной стороны, и расширения границ и возможностей реалистического способа изображения – с другой.

Актуальность работы объясняется недостаточной разработанностью проблемы творческой эволюции одного из классиков английской литературы XX века, а также неполнотой существующего анализа литературного процесса 1930-х – 1940-х годов в Великобритании.

Практическая значимость определяется тем, что полученные в ходе исследования результаты и выводы могут быть использованы при создании наиболее полной картины состояния литературы 1930 х – 40-х годов на Западе. Результаты исследования могут быть применены как в лекционных курсах, так и в ходе дальнейшей исследовательской работы по обрисовке контуров истории зарубежной литературы XX века в ее наиболее художественно-значимых и типологически характерных проявлениях.

Апробация диссертации: печатные работы, подготовленные диссертантом по материалам исследования, опубликованы в различных сборниках научных трудов. Отдельные проблемы исследования были положены в основу докладов, с которыми диссертант выступал на научных конференциях в МПГУ (в 1998, 1999 и 2000 гг.), а также в МГОПУ в 2000 г.

Структура диссертации: поставленные цели и задачи определили структуру данной работы. Она состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

Содержание диссертации.

Во «Введении» обосновывается выбор темы, степень ее актуальности и новизны затрагиваемых проблем, определяются основные цели и задачи работы, намечается методика исследования, дается обзор научно-критической литературы о творчестве Г. Грина.

Критическая литература о Г. Грине столь огромна, что ее анализ может стать самостоятельным научным исследованием. Сложная, многогранная личность самого автора, кажущаяся противоречивость его взглядов и произведений, не допускающих однозначной оценки, – все это породило ситуацию, когда, по выражению известного английского критика Д. Лоджа, «никто из интересующихся современной литературой не мог пройти мимо исследования этого континента под названием Гринленд».¹

Сложность обзора критической литературы о Грине состоит не только в ее большом количестве, но и в непрестанной на протяжении шести десятков лет эволюции как критических взглядов, так и самого автора и общества в целом. К тому же литература о Грине имеет поистине интернациональный характер,

¹ Lodge D. Graham Greene. N.Y. – London. 1966. P.3.

причем, следует заметить, что круг стран, в которых выходят монографии об этом авторе, постоянно увеличивается. Однако, к сожалению, в нашей стране пока нет работ подобного уровня несмотря на стойкий (с 1950-х годов) интерес к творчеству писателя.

В настоящем исследовании предпринимается попытка осветить лишь наиболее важные, с нашей точки зрения, критические оценки творчества Г. Грина в отечественном и зарубежном литературоведении, имеющие принципиальный характер.

С позиций сегодняшнего дня важно проследить не только соотношение литературоведческих позиций в конкретный исторический момент, но и эволюцию критических взглядов, выделяя на каждом этапе то практически ценное, что приближает нас к пониманию творчества Грина в целом, а не в отдельный его период.

Английское литературоведение столкнулось с феноменом яркой, своеобразной личности писателя, не укладывавшейся ни в одно из существующих литературных и философских течений. Старания критиков были, главным образом, направлены на определение места Грина в литературном процессе того времени. В эпоху разрушения всеобщего кода нравственности Грин был особенно «темной» фигурой, когда речь заходила об авторской позиции и отношении к человечеству. Под натиском жарких споров об идейной направленности произведений Грина вопросы поэтики отодвигались на второй план. Авторы критических статей также мало затрагивали проблемы эволюции писателя, мало пытались проникнуться духом самого автора, обосновывая свои суждения лишь на собственных мировоззренческих позициях.

Знакомство отечественного читателя с творчеством Г. Грина началось в 1956 г., когда в русском переводе появился последний на

тот момент роман писателя «Тихий американец». Небывало острое по своей политической актуальности произведение вызвало широкий резонанс в советском обществе, которому были близки идеалы борьбы за независимость.

Большинство отечественных критиков признали в Грине «своего» писателя, несмотря на то, что его имя еще недавно стояло в одном ряду с декадентами. Между тем, «открытие» Грина как «прогрессивного» автора, хотя и из капиталистической страны, но новый этап творчества которого был созвучен «современным» настроениям, не было единодушным. Прошедшее в писательских организациях обсуждение романа «Тихий американец» показало неоднозначность суждений и даже вызвало споры среди литературоведов относительно типа художественного сознания писателя.

В 50-е годы уверенность советских критиков в приближении Грина к реализму укрепил роман «Наш человек в Гаване» (1958 г.). Однако творческий метод писателя не соответствовал традиционным представлениям о реализме, сложившимся в отечественном литературоведении, рассматривавшем художественное творчество как иллюстрацию социальных процессов, где четко выявлены политические и классовые позиции и надлежащим образом расставлены акценты.

Так, например, писателя упрекали в том, что он не выходил за пределы круга биологических или религиозно-нравственных проблем¹. Преимущественное обращение автора к миру зла, воссозданного в ярких и конкретных образах на фоне

¹ Дубинская А. Во имя человечности. // Октябрь. 1957. № 2. С. 220.

«абстрактного» идеала добра, воспринималось как неспособность художника проникнуть в сферу положительного.

В 60-е годы большое внимание уделялось и эволюции писателя. Литературоведы выделяли различные этапы в его творчестве. Однако общая точка зрения сводилась к тому, что кульминационный момент в развитии Грина-романиста начинается с «Тихого американца», а все предыдущие творчество, включая такие значительные произведения, как «Сила и слава» и «Суть дела», – лишь «мучительный процесс формирования у Грина реалистических принципов отражения действительности».¹ Эволюция Грина неизбежно рисовалась как антагонистическая борьба реалистических и модернистских тенденций, а главное достижение его творчества усматривалось в переходе к «активному гуманизму».²

Бесспорным достоинством отечественных исследований о Грине является открытие в писателе реалистически мыслящего художника, подчеркивание социальной значимости его произведений, проведение параллелей между творчеством одного из крупных мастеров слова XX века на Западе и конкретно-исторической обстановки эпохи. Работы отечественных литературоведов весьма ценны и с точки зрения изучения художественного своеобразия книг Грина.

Между тем, на протяжении многих лет советское литературоведение страдало тенденциозностью, идеологизированностью подхода в оценке мировоззрения писателя как противоречивого, политически незрелого, затуманенного

¹ Филиюшкина С.Н. Грэм Грин - романист. Автореферат дис. на соиск. степени канд. филол. наук. – М. 1969. С.4.

² Танажко Л. Эволюция творческого метода Грэма Грина. Автореферат дис. на соиск. степени канд. филол. наук. – Донецк. 1972. С.20.

религиозными представлениями и фрейдистской концепцией человека. Поэтому творчество Грина не воспринималось как единый идейно-художественный процесс, а лишь высвечивалось отдельными «положительными», с точки зрения советских критиков, моментами, и религиозная проблематика была наименее ярко выражена.

Необходимо сказать, что в последние годы были предприняты шаги к переоценке некоторых наиболее спорных суждений о Г. Грине. Однако в фокусе внимания литературоведов на современном этапе находится, главным образом, проблема поэтики писателя, тогда как его мировоззренческая позиция остается за рамками литературно-критических исследований.

В первой главе «Становление художественной манеры Г. Грина (романы конца 1920-х – первой половины 1930-х годов)» рассматриваются романы «Человек внутри» (1929), «Имя действия» (1930) и «Стамбульский экспресс» (1932). На материале анализируемых произведений Грина предпринята попытка выявить специфику художественного мировидения писателя на раннем этапе творчества.

Формирование творчества Г. Грина выпало на один из сложнейших периодов в развитии человечества. Начало XX века, ознаменованное революциями и первой мировой войной, обозначило конец одного мира и рождение совершенно нового. В культурной жизни эпохи этот переход выразился в крахе основополагающих ценностей западной цивилизации. В пересмотре традиций классического художественного опыта и обновлении его эстетических достижений.

Первый этап, имеющий большей частью ученический характер, хотя и отмеченный печатью своеобразия юного автора,

выделяется увлечением Грина неоромантической эстетикой Р. Л. Стивенсона и Дж. Конрада, чьи концептуальные и художественные достижения он пытается продолжить и развить. Привлеченный тонким психологизмом этих авторов, сочетающимся, тем не менее, с занимательностью авантюрного сюжета, Грин уже в раннем творчестве проявил себя и как наблюдательный исследователь человеческой души и как искусный рассказчик, органически сочетающий элементы развлекательности с серьезными актуальными и вечными проблемами.

Само название первого появившегося в печати романа Г. Грина «Человек внутри» говорит об интересе автора к раздвоенности человеческой природы. Исходя из этого манихейского по своей сути представления, художник видит мир в борьбе уродливого и прекрасного, чувственного и духовного, света и тьмы, «добра» и «зла», концентрированным выражением которого является столкновение двух «я» в душе главного героя романа.

Последующий отход Грина от некоторых положений эстетики неоромантизма был обусловлен перенесением акцента с «раздвоенности» души на преимущественное исследование ее негативной стороны. Именно в исследовании природы зла и усилении критического начала, не достаточно ярко выраженного у романтиков, намечается у писателя шаг к реализму. Грин впоследствии откажется от упрощенной схемы построения конфликта и характеров, свойственной первым произведениям, обнаруживая поливалентность как душевной субстанции человека, так и многогранную сложность мирового устройства. Присущая юношескому мировоззрению категоричность в морально-нравственных оценках сменится у автора вдумчивыми размышлениями о природе «добра» и «зла».

Хотя Грин никогда и не был в полном смысле слова романтиком, поиск контрастов, колебание между двумя полюсами, трагизм, сочетающийся с иронией, выбор героя-аутсайдера, заброшенного в чуждый и враждебный ему мир, а также тоска по абсолютному, поиск идеального содержания человеческого бытия, станут константными чертами его творчества.

Некоторый схематизм ранних романов Грина был обусловлен, с одной стороны, художественной незрелостью автора, а с другой – непосредственным влиянием психологических и философских теорий на искусство XX века, которые не только формировали мировоззрение художника, но и давали непосредственные схемы для построения образов, характеров, сюжетов. Одной из таких теорий был фрейдизм, усложнивший представление о человеческой психике и одновременно упростивший его, сведя всю человеческую деятельности к проявлению половых инстинктов.

Со временем изживая непосредственное влияние психоанализа на свое творчество, Грин, тем не менее, остался глубоко верен таким его элементам, как «бессознательное», роль сновидений, а также метод «свободных ассоциаций». Показательно, что уже в романе «Человек внутри» фрейдизм является не единственной доктриной, объясняющей поведение персонажей. Помимо теории психоанализа автор апеллирует и к религиозным мотивам, что является ярким свидетельством того, что автор никогда не был под влиянием какой-то одной теории, но стремился к художественной правде, отмечая догматизм и условности.

Прорыв к новой тематике и проблематике, связанный с расширением социального фона и обращением к современности, наступает уже во втором романе писателя «Имя действия». Фрейдизм уже не удовлетворяет писателя в качестве идейной

основы произведения с усложнившимися психологическими ситуациями, затрагивающими больше сферу духовного, нежели материально-чувственного. Сдержанно относившийся к модернистскому экспериментаторству в искусстве, Грин, тем не менее, открывает новый источник образности в столь любимой модернистами мифологеме. Легенда о Св. Граале, особым образом переакцентированная Грином, является ключом к пониманию идейно-образной ткани романа «Имя действия».

Еще большее расширение социального фона, показ классовых антагонизмов при неизменном внимании к судьбе отдельно взятой личности, наблюдается в романе «Стамбульский экспресс», закрывающим собой ранний этап в творчестве писателя. Начавшаяся в 30-х годах политизация всех сторон жизни заметно увлекает Грина, заставляя спуститься с отвлеченных романтических высот к жестокой реальности современности, которой писатель будет с журналистской оперативностью и точностью верен до конца своих дней. Но и в эпоху жесткого противостояния классов и систем, созревания фашизма и связанной с ним новой волной насилия Грин находил место романтике. Это удавалось писателю потому, что он никогда не расставался со своей мечтой найти общее там, где на поверхности были одни лишь различия. Его путь к истине пролегал через сострадание.

Тематические и идейные изменения привели к жанровой и стилиевой трансформации романов Грина. Зародившаяся в недрах эстетики и творческой практики романтизма форма субъективного, лирического романа (т.н. *roman-pense*) сменяется сперва пародией на шпионский роман, а затем политически насыщенным триллером, который станет впоследствии своеобразной визитной карточкой Г. Грина и открытием в области романной формы. От пространных

описаний и экзотических сравнений автор переходит к динамичному диалогу, кинематографическому монтажу сцен и лаконичному стилю, которому присуща аллюзивность, апеллирующая к ассоциативному мышлению читателя.

Во второй главе «Укрепление реалистических тенденций в творчестве Грина-романиста второй половины 1930-х годов» рассматриваются романы «Это поле битвы» (1934), «Меня создала Англия» (1935), «Брайтонский леденец» (1938).

Вторая половина 1930-х годов была исключительно плодотворна в становлении Грина как большого художника слова, опирающегося преимущественно на реалистический способ изображения. Интенсивность идейных поисков автора отразилась в большой тематической и жанровой разноплановости произведений указанного периода. Если в романе «Это поле битвы» писатель стремился к панорамному изображению общества и обобщающему социальному анализу, то в следующем произведении «Меня создала Англия» его внимание сосредоточено на личном плане с приоритетным изображением психологии индивида. «Брайтонский леденец» еще более сужает фокус – на религиозной личности и ее взаимоотношениях с секуляризованным миром.

Роман «Это поле битвы» можно считать этапным в движении Грина к реализму, но не к критическому реализму XIX века, а к реализму, которой в поисках нравственной опоры обращается к отдельной личности, к составляющему единственную и непреложную ценность миру индивида, в пределах которого и утверждает себя истина как нечто глубоко субъективно переживаемое.

Метафизический конфликт добра и зла, свойственный ранним произведениям писателя, выходит за рамки одной души и обретает

жизненную конкретность, базируясь в сфере общественных отношений. Однако сама социальная борьба преломляется в индивидуальном сознании героя как моральное противоречие, что свидетельствует не об уходе автора от действительности, а об особом постижении сути этой борьбы.

На новом этапе своего творческого исследования общества и индивида Грин опирается преимущественно на социальные (социализм фабианского склада, марксизм) и экономические теории (кейнсианство), которые все больше теснят психоанализ, помогая автору добиться более широкого и объективного взгляда на изображаемое.

В расстановке персонажей романа «Это поле битвы» впервые в творчестве Грина наблюдается соответствие реальному противостоянию социальных сил в эпоху «голодных маршей» и забастовок. Писатель рисует образы рабочих, интеллигенции, должностных лиц и членов правительства, а также с чуткостью подлинного художника улавливает переходные типы «выламывающихся» из своего класса людей. Судьба последних имеет трагическую окраску, но, в отличие от «маленьких» людей литературы XIX века, герои Грина лишены трогательной наивности и детскости, напротив, – в них подчеркивается раннее взросление и опыт, который лишает их безмятежности и внушает постоянный страх перед жизнью.

Роман «Меня создала Англия» рисует психологически сложные отношения близнецов брата и сестры Фаррантов, несущие на себе печать противоестественного влечения. История Кейт и Энтони является отголоском увлечения раннего Грина фрейдистскими представлениями о человеке. Однако, помимо воли писателя, она не играет доминирующей роли в романе, уступая

место трезвому реалистическому анализу действительности и углубленному психологизму более широкого плана, исходящему из целостности человеческой личности, а не только ее биологической сути.

Хотя в романе «Меня создала Англия» нет непосредственного изображения классовых битв и идеологических споров, в его пространстве нельзя не почувствовать накаленную общественную атмосферу «красных тридцатых», возросший в английском обществе интерес к марксистской идеологии, которые с очевидностью предопределили включение в сюжет романа «рабочей линии» – изображение судьбы молодого Андерссона и его отца, уволенного за попытку организовать забастовку.

В произведении улавливается и стремление автора отозваться на ту ломку внутри самих буржуазных отношений, которая была связана с уходом в прошлое эпохи так называемого свободного предпринимательства и с гибелью мелких собственников, подобных семейству Фаррантов, утративших контору в Сити, которой их предки владели в течение двухсот лет. Именно эта «смена эпох» и вызванные ею духовные потрясения, ее нравственно-психологические последствия определяют в конечном итоге характеры и судьбы центральных персонажей, хотя их отношения и имеют особый подтекст.

В образе Энтони Фарранта Грин изображает своего современника, человека 30-х годов. Несмотря на авантюрный характер походов Энтони, на небезупречную репутацию и неустроенность его в жизни, где царит буржуазный порядок, память о прошлом, верность культурным традициям, чувство родины, национальной принадлежности, принципы чести и сохранившиеся представления о нравственных запретах выгодно отличают его от

преуспевающего финансиста Крога, который живет уже вне представлений о морали, для него человек честен настолько, «насколько надежен его кредит», и все отношения между людьми и странами измеряются лишь деловыми интересами.

В отличие от социально заостренной проблематики предыдущих романов «Брайтонский леденец» на первый взгляд кажется несколько мелодраматичным. Его герои – не типы, а маргиналы. Но это не делает их менее правдивыми. Просто в них человеческая природа проступает своими наиболее интересными, яркими сторонами.

В «Брайтонском леденце» антагонистическими носителями двух правд о жизни и человеке являются Айда Арнольд и Пинки Браун. Навязчивые представления Айды о «добре» и «зле», правде и справедливости обнаруживают слабость философии мелкобуржуазного общества, живущего без Бога. Она не только берет на себя функции божественного правосудия, но и заменяет божественную истину своими собственными ценностями.

Источником старой системы ценностей для западного человека была религия. Однако в «Брайтонском леденце» ее носителем является убийца, человек, вышедший из района трущоб с ироничным названием Парадиз, где только и сохранились еще его иноверцы. Глава шайки бандитов Пинки еще подросток, но это уже преступник, человек морально растленный. Вместе с тем он католик по убеждениям. Особенности его характера и поступков мотивируются своеобразной фанатичной приверженностью к католическим догмам.

В произведениях второй половины 1930-х годов углубляется психологизм автора, избегающего мелодраматизма предшествующих произведений и стремящегося передать

тончайшие движения человеческой души. В создании характеров персонажей проявляется и отход Грина от классических особенностей реалистического искусства, а именно отсутствие типизации и стремление максимально индивидуализировать образ героя.

Художественные средства, используемые Грином в романах «Это поле битвы», «Меня создала Англия» и «Брайтонский леденец» свидетельствуют, с одной стороны, о продолжающемся экспериментаторстве в области формы, а с другой, – о выработке писателем уже достаточно большого числа константных черт собственного стиля.

Особая точность и правдивость обстоятельств достигается автором через использование системы деталей, как сводящих внимание к мельчайшим подробностям, так и будящих широкие ассоциации. Грин также не полностью порывает и с искусством романтизма, расширяя и обогащая возможности этого метода в новых литературных условиях. Автор продолжает экспериментировать в области художественной формы (это проявляется, прежде всего, в обращении к сюрреалистической технике), что свидетельствует об усложнившемся взгляде автора на мир и человека.

Грин видит диалектику связей индивидуума и общества, однако стремится к изображению личности и вне круга социальных проблем, открывая возможности метафизического плана. Однако открытый диалог с Богом станет возможен лишь на следующем этапе творчества писателя в цикле так называемых «католических романов».

Третья глава диссертационного исследования называется «Романы «католического цикла» как художественно-философский

синтез эволюции Г. Грина и посвящается анализу романов «Сила и слава» (1940), «Суть дела» (1948) и «Конец одной любовной связи» (1951).

Третий этап творчества Г. Грина охватывает 40-е годы и самое начало 50-х годов. Данный период отмечен активными духовными поисками писателем нравственного абсолюта, способного противостоять как деструктивному началу в мире, так и в самом человеке. Такой моральный ориентир Грин находит в человеческом сердце, освященном любовью к людям, соперничающей по силе с проявлениями божественного милосердия.

Из стороннего наблюдателя веры, каковым он был на раннем этапе творчества, Грин превращается в заинтересованного экспериментатора в области религиозных идей и их преломления в общегуманистическом аспекте. В центре внимания автора оказались традиционно дискутируемые вопросы католической веры: всеобщность греха и индивидуализм спасения, проклятие и святость, существование в мире зла и теодицея. Переосмысление автором их жесткого догматического толкования, хотя и носило временами субъективный характер, но в целом проходило в русле передовых реформаторских течений католической философии. Здесь же необходимо отметить заинтересованность писателя не только поэтическим аспектом христианства, согласно укоренившейся в литературоведении точки зрения, но и насущными проблемами верующих. Одной из таких проблем явилось соотношение божественного и общечеловеческого в сфере нравственности. Находя точки соприкосновения религии и морали, Грин острейшим образом ставит проблему соотношения – нравственного и христианского долга, внося в нее третье измерение – долг человека

перед самим собой как гарант сохранения индивидуальности и подлинной свободы воли.

Драматическим стержнем романа «Сила и слава» является конфликт веры и разума, в широком смысле, двух непримиримых утопий – спиритуализма и материализма. Носителями этих двух абстракций в романе являются безымянные священник и лейтенант полиции.

Путем лишений и испытаний сытый и равнодушный священник приходит к мысли о правильности не карающей роли церкви, а прощающей, помогающей и любящей. По парадоксальной логике Грина, чем больше глубина падения «пьющего падре» с точки зрения официальной церкви, тем более человечным становится его облик. Грех для священника стал моментом духовного пробуждения, а путеводной нитью, ведущей к святости, – сложная наука любви.

У противника священника куда больше целеустремленности и уверенности в себе. Лейтенант – человек суровый и прямолинейный, его идеи находятся в абсолютной гармонии с его поступками. Служение долгу составляет весь смысл его жизни. Полицейский верит в закон и в жизнь на земле, верит, что жизнь можно изменить с помощью закона. Но чтобы из земного мира навсегда исчезли несправедливость и нищета, прежде должен исчезнуть другой мир, посланцем которого и выступает маленький священник. Именно для того, чтобы все переменялось и земной шар превратился в царство справедливости, где правят законы разума, а не страх или иллюзии, лейтенант рыщет по заболоченным землям своего штата в поиске священников, расстреливает заложников и терроризирует целые деревни.

Роман «Сила и слава» сохраняет современное звучание и по

сей день именно в силу того, что не является образцом католической литературы. По замечанию латиноамериканского писателя Марио Варгаса Льюсы, «В нашу эпоху, страдающую аллергией на поучительные повествования и назидательные истории, роман «Сила и слава» сумел выжить, потому что, вместо того, чтобы сражаться с одной догмой во имя другой, он противопоставляет нетерпимости то, что в равной степени могут принять верующие и неверующие: право на надежду».¹

«Суть дела» имеет сложную, многоплановую структуру. На поверхности – детективная фабула – борьба заместителя начальника английской полиции майора Скоби против контрабандистов, представляющая собой одну сюжетную линию. Параллельно ей развивается основная – история несчастного брака Скоби и его супруги Луизы, а также любовная связь Скоби со спасенной во время кораблекрушения Элен. Внутренний конфликт Скоби гораздо сложнее и многозначительнее.

Книга рассказывает о человеке не только гуманном, но и высоко одаренном в нравственном отношении, обладающем талантом добра. Скоби свойственно чувство ответственности за ближних, бесконечное сострадание, готовность жертвовать собой, которые обычно приписывают Христу. Скоби берет на себя не только бремя святости, но и самое тяжкое для нравственно чистого человека – бремя греха и преступления. Скоби почти как бог всеведущ относительно всего плохого в людях, и ему требуется едва ли не большая, чем богу терпимость, чтобы любить их.

По сравнению с романом «Суть дела» «Конец одной любовной связи» более сдержан в полемике с ортодоксальным католицизмом.

¹ Льюса В. Правда в вымыслах. // Иностранная литература. М. 1997. №5. С. – 230.

Но осмысливая его отдельные положения, например, догмат о телесном воскрешении человека после смерти, не только духовном, но и плотском воссоединении его с Богом, писатель успешно находит в них источник острых морально-психологических коллизий.

Хотя через весь роман и проходит тема земной страсти, живущей по своим, отнюдь не схоластическим законам, она корректируется другой любовью, имеющей всеобщий божественный источник.

Грин утверждает всепобеждающую силу любви. Любовь помогает человеку на его пути к Богу. Лики божественной и земной любви взаимопереходны. Любовь Сары к Бендриксу перерастает в любовь к Всевышнему, но и в том, что называют «грешной любовью» сквозит искра абсолютно неэгоистическую божественного чувства.

В божественной любви Грин справедливо видел источник толерантности. Божественная любовь по Грину – это любовь всепрощающая, всепонимающая, готовая принять в свои объятия как святого, так и грешника.

Для человека путь к такой любви пролегает через страдание. От страдания индивидуального Грин перебрасывает мостик к состраданию, проявляющемуся прежде всего как способность понимать и сочувствовать другому. Сострадание писатель считал не только нормой социального поведения, но и возводил в ранг взыскательного требования к художнику

В произведениях 40-х годов с большей силой проявился скептицизм автора по отношению к различным социально-экономическим теориям переустройства жизни в силу их равнодушия по отношению к отдельно взятой человеческой

личности. Абстрактности атеистических теорий Грин противопоставляет конкретику Бога как сверхличности, стоящей над миром, но соизмеримой со всем человеческим, как в положительных, так и отрицательных аспектах.

Грин стремится к постижению веры как рациональным, так и интуитивным путем. В зависимости от способа постижения веры (рационального или интуитивного) меняется форма романов. От аллегорических и притчеобразных произведения эволюционируют в сторону полнокровно реалистических, что находит отражение прежде всего в драматической структуре и целом спектре художественных средств создания образов, среди которых приоритетно новыми в творчестве Грина явились повествование от первого лица и прием точек зрения.

40-е годы можно считать одним из плодотворнейших периодов в творчестве Г. Грина. На этом этапе были созданы величайшие произведения прозаика, обогатившие не только английскую, но и мировую литературу XX века. Непреходящая ценность романов Грина – в ярком художественном воплощении глубоко гуманистических идей писателя. Долгое время этот гуманизм называли абстрактным, препарировали его, лишая религиозного содержания, якобы несовместимого с самим термином. Надо сказать, что споры ведутся и по сей день. Однако нельзя игнорировать сформировавшейся в западной философии культуры устойчивой тенденции, утверждающей значимость синтеза гуманистических и христианских ценностей. Как отмечает видный отечественный исследователь западной философии Б.Л. Губман, «Религиозная культурфилософия XX века связывает преодоление кризиса гуманистической культуры с возвращением к ценностным абсолютам, соединяющим воедино «расколотый мир», придающим

ему духовную ценность и гармонию».¹

Трагический опыт мировых войн, революций, тоталитарных режимов с их концентрационными лагерями и изощренной системой репрессий убедительно доказал, что гуманизм, взятый в одном только светском его аспекте, зачастую подменялся идеологизацией.

Завершает диссертацию заключение, в котором формулируются выводы об идейно-художественной эволюции творчества Грина в 1930-е – 1940-е годы

Анализ романного творчества Г. Грина 1930-40-х годов, проведенный с точки зрения идейно-художественных особенностей произведений, а также обзор критической литературы по теме диссертации, исследование теоретических вопросов о соотношении в литературном процессе различных направлений и культурно-исторического фона Великобритании, на котором создавались романы указанного периода, позволяют сделать следующие выводы.

При всей самобытности писательского таланта Г. Грина, его творчество неотделимо от общего хода развития английской литературы в 30-х – 40-х годах XX века. Расходясь впоследствии во взглядах со своим современниками, Грин изначально принадлежал к той плеяде писателей, чье становление выпало на 30-е годы, и кто близко к сердцу принимал болезненные вопросы эпохи. Политическая ангажированность, идейность, нравственная щепетильность выгодно отличают писателей 30-х годов от циничного декадентства предыдущего десятилетия. Поколение У.Х. Одена, К. Ишервуда, Дж. Оруэлла, С. Спендера, И. Во и Г. Грина прошло сложный путь поиска нравственных, философских и политических ориентиров в труднейший для всей западной

¹ Губман Л.Б. Западная философия культуры XX века. – Тверь, 1997. – С.274.

цивилизации период краха основополагающих ценностей и пересмотра традиций классического художественного опыта.

Хотя Грэм Грин и не создал своей школы, собственного направления в литературе, влияние его личности и творчества как на современников, так и на молодых писателей ощутимо прослеживается не только в произведениях английских авторов начиная с послевоенного периода, но и имеет широкий международный резонанс (в США, Индии, Японии, странах Латинской Америки).

«Католические» романы Грина имели особое воздействие на обращенных католиков в других странах. Творческие параллели с Грином наблюдаются и у японского писателя Сюсаку Эндо. С «Силой и славой» Грина перекликается роман Эндо «Молчание» (1966), повествующий о проникновении христианства и гонениям на него в Японии и столь же остро ставящей вопрос об истинной вере, о долге и предательстве.

Видный американский прозаик Р. Стоун также обращается к католицизму, пытаясь «отыскать в этом вероисповедании общечеловеческий гуманизм, противопоставляя его деградирующей морали современного индустриального общества».¹

В творчестве современных английских прозаиков Г. Свифта и К. Исигуры, уже заявивших о себе получением престижной Букеровской премии, также сквозит гриновская реалистическая тенденция, проявляющаяся в умении раскрыть через субъективное сознание отдельного человека вопросы общей значимости. Умелое использование подтекста, отсутствие декларативности, но

¹ Киреева Н.В. Романы Роберта Стоуна (Особенности поэтики). Автореферат канд. филол. наук. – М., 1999. – С. 14.

достижение убеждения силой художественного образа, исполненного потрясающей психологической глубины.

Грин оказал большое влияние и на судьбу нынешнего поколения прозаиков Великобритании. Один из уроков, преподанных Грином, заключался в том, что серьезный роман может быть одновременно захватывающим чтением, что роман приключений может быть в то же время романом идей. Подобное сочетание было присуще викторианцам, затем писатели-модернисты от него отказались. Огромным достижением Грина было то, что в его романах особенно остро ощущался его католицизм. Оказанное Грином воздействие на английскую литературу простирается далеко за рамки отдельных произведений. Признание этого факта уже при жизни завоевало писателю имя классика.

Заслуга Грина и в том, что он стал связующим звеном английской литературной традиции, готовой было прерваться в эпоху модернизма, и в том, что он обогатил эту реалистическую по своей сути традицию идейно (противопоставив выдыхающемуся либерализму вечные ценности христианства) и поэтически (достигнув блестящего сплава развлекательного жанра с глубоко философским и нравственно-этическим содержанием).

Список работ по теме диссертации

1. Роман «Имя действия» как этап творческой эволюции «раннего» Г.Грина // X Пуришевские чтения: Всемирная литература в контексте культуры: Сборник статей и материалов. – М.: МПГУ, 1998. – с. 158-159. 0,1 п. л.
2. Становление творческой манеры Г.Грина в произведениях первой половины 1930-х годов (романы «Человек внутри» (1929); «Имя действия» (1930)) // Проблемы зарубежной литературы XIX – XX вв. Деп. В ИНИОН РАН 18.06. 1998 № 53665. – с. 111-124. 0,8 п. л.
3. Состоялся ли поиск? // Университетская книга. – М., 1998 № 10-11. – с. 46-47. 0,4 п. л.
4. Грэм Грин и английский «шпионский роман» первой четверти XX века // Идеино-художественное многообразие зарубежных литератур нового и новейшего времени. Часть 3. – М.: МПУ, 1999. – с. 160-174. 0,9 п. л.
5. Традиции романтизма в раннем творчестве Г.Грина // XI Пуришевские чтения. Всемирная литература в контексте культуры. Сборник статей и материалов. Часть II. – М.: МПГУ, 1999. – с.14-15. 0,1 п. л.
6. Идеи «Преступления и наказания» в романе Г. Грина «Брайтонский леденец» //Актуальные проблемы современного литературоведения. Материалы межвузовской научной конференции. Выпуск 4. – М.: МГОПУ, 2000. – с. 74-76. 0,2 п. л.
7. Реалистические и символистские тенденции в творчестве Грина-романиста второй половины 1930-х годов (романы «Меня создала Англия», 1935 г. и «Брайтонский леденец», 1938 г.) // Проблемы зарубежной литературы XIX-XX вв. Деп. в ИНИОН РАН 8.06.2000 № 55715. – с. 81-94. 0,9 п. л.

Издательство ООО "МАКС Пресс".
Лицензия ИД № 00510 от 01.12.99 г.
Подписано к печати 08.02.2001 г.
Усл.печ.л. 1,75. Тираж 100 экз. Заказ 18.
Тел. 939-3890, 928-2227, 928-1042. Факс 939-3891.
119899, Москва, Воробьевы горы, МГУ.

1631 200304

1631 220404

